

ДМИТРИЙ КОРОВНИКОВ

АДМИРАЛ
ИМПЕРИИ

17

15

16

18

Дмитрий Николаевич Коровников

Адмирал Империи – 17

Серия «Адмирал Империи», книга 17

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70241605

SelfPub; 2024

Аннотация

Пограничные звёздные системы Российской Империи атакованы ударными флотами Американской Сенатской Республики. Мы начинаем наши «Хроники» с описания одного из самых кровопролитных и беспощадных столкновений начала 23 века. В мировой историографии этот конфликт назван – «Второй Александрийской войной». В наши учебники истории его первый этап вошёл под названием: «Отечественная война 2215 года»...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	21
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Дмитрий Коровников

Адмирал Империи – 17

Глава 1

Место действия: звездная система HD 22048, созвездие «Эридан».

Национальное название: «Таврида» – сектор контроля Российской Империи.

Нынешний статус: не определен – спорный сектор пространства.

Претенденты: Российская Империя, Американская Сенатская Республика.

Расстояние до звездной системы «Новая Москва»: 198 световых лет.

Точка пространства: орбита планеты Херсонес-3.

Дата: 28 февраля 2215 года.

– Да слезь ты с меня, падла! – не выдержал я, изо всех сил, насколько мог замахнуться из лежачего положения, отвесив оплеуху на секунду оцепеневшему и растерявшемуся польскому адмиралу, который продолжал сидеть на мне сверху и душить меня.

Вишневыский, получив удар латной перчаткой по лицу,

разжал смертельные объятия и повалился на бок. Но куда больше Мариуша поразил не мой удар, а то сообщение, которое он услышал в динамике, а именно – информация о появлении в секторе какой-то вражеской эскадры. Какая эскадра?! Откуда?! Как могли русские появиться в критической близости от кораблей польской дивизии?! Все эти вопросы крутились сейчас в голове Вишневого-младшего, и вот этой заминкой я и воспользовался, сбросив своего противника с себя и снова вскочив на ноги.

Вокруг кипела битва, Алекса и Кузьма Кузьмич вдвоем, как загнанные в угол львы, сражались сразу с несколькими десятками хайдутов, которые в свою очередь пытались с ними рассчитаться за гибель двух своих товарищей, несколько секунд назад бывших секундантами Вишневого и сделавшими все, для того, чтобы умереть. Алекса продолжала стрелять очередями из двух пистолетов поседавшим полякам, а Дорохов, не сумев из-за огромного скопления людей вокруг, добраться до своей штурмовой винтовки, просто работал руками, разбивая лица и черепа и ломая руки ближайших к себе поляков...

Я понял, что несмотря на всю стойкость и силу Кузьмы Кузьмича, а также боевые характеристики Алексы, продержатся они, а вместе с ними и я, не более полуминуты, слишком неравными были силы, а это значит, что принимать решение мне нужно было моментально. Однако первое, что я сделал, это не бросился к лежавшей в нескольких метрах от

меня плазменной сабле, которую выбил у меня из рук Мариуш Вишне夫斯基, а засунул руку себе под доспех и нашарив там портативную аптечку, нажал на кнопку, впрыснув себе в кровь очередную, и как предупреждал мой начмед, смертельную дозу стимуляторов.

Я не знал, да, если честно, и не верил, что мое сердце может не выдержать еще одной инъекции допингового коктейля. Но вот что я знал, так это то, что если этого не сделать, то умрем мы втроем здесь в этом огромном аудиенц-зале польского авианосца точно и очень даже быстро. Счет шел на секунды, Алекса и Кузьма Кузьмич были буквально сметены с ног волной жаждущих мести хайдутов, а мой соперник – Мариуш Вишне夫斯基 уже стоял на ногах, пытаюсь активировать свое холодное оружие, которое мне каким-то чудом удалось на время отключить.

Стимуляторы горячей волной захлестнули мое тело, растекаясь новой порцией неограниченной физической силы по мышцам и сухожилиям. Я одним прыжком оказался возле своей лежащей на полу сабли, схватил ее и сделал еще один бешеный рывок, вырос перед ошарашенным моей реакцией и скоростью польским адмиралом. Вишне夫斯基 попытался было нанести мне удар в лицо бронированной рукавицей, но я легко его блокировал, отведя руку поляка в сторону.

Мариуш так и не успел активировать оружие, когда мой светящийся плазменной кромкой клинок был приставлен к его голой, не защищенной броней шее.

– Пора договариваться, пан-адмирал, – выкрикнул я, стараясь, чтобы Вишневецкий в этом хаосе боя меня услышал и главное понял. – Отзывай своих псов, – я кивнул на кучу мала, в которую превратилось место рукопашной, где Кузьма Кузьмич и Алекса дрались из последних сил и, так скажем, мощностей своих приводов.

– Ты и твои люди сдохнут, – вырвалось из груди скрежещавшего зубами поляка, который в бессилии что-либо сделать, прожигал меня ненавидящим взглядом. Гордость молодого человека, до этого поединка, считавшего себя непобедимым мастером клинка, была невероятно уязвлена.

– Тогда внимательней слушай своих вахтенных с мостика, – я указал глазами на продолжающий орать на весь отсек динамик, из которого доносилась тревожная речь одного из дежурных операторов авианосца «Король Владислав», где лейтенант перечислял вымпелы русской дивизии внезапно появившиеся вблизи расположения польской хоругви и уже выстраивающиеся для атаки...

– Головными: авианосец «Екатерина Великая», а также тяжелые крейсеры: «Пантелеймон» и «Транзунд», во второй «линии»: легкие крейсеры: «Цесаревич Георгий», «Сивуч» и «Адмирал Лазарев», замыкающими – три эсминца! Пан-адмирал они уже в расстоянии выстрела! Прошу приказаний!

– Ого! – услышав названия кораблей, я удивился не меньше, чем Мариуш Вишневецкий. – Так это не Хромцова! Это же наша 10-ая «линейная»!

Больше конечно я расстроился, чем удивился, потому, как кому-кому, а вот господину Красовскому мне менее всего хотелось приносить слова благодарности за собственное спасение и спасение «Одинокого» с «Баязетом». Уже вижу эту слащавую, надменную физиономию Александра Михайловича и его надменный, покровительственный тон со словами, мол более опытные должны помогать малышам...

Однако, ладно хоть Красовский со своими кораблями подоспел, это лучше, чем ничего, да и вопрос выжить лично для меня до сих пор находился явно в подвешенном состоянии с учетом того, что я и мои друзья сейчас были окружены двумя сотнями вооруженных и разгоряченных поляков на борту их же корабля...

...В это самое время на орбите Херсонеса-3 разгоралось очередное космическое сражение, в котором корабли Александра Михайловича Красовского, а это действительно были именно вымпелы нашей 10-ой дивизии, выстроившись в «фалангу», с хода атаковали разбросанные по орбите планеты и абсолютно не ожидавшие нападения польские крейсера Вишневого.

На мостике авианосца «Екатерина Великая» в капитанском кресле с резными подлокотниками в задумчивости сидел контр-адмирал Красовский все такой же ухоженный и следящий за своим внешним видом. Настроение у Александра Михайловича было, прямо сказать, не к черту. И причиной тому явились не вражеские корабли, которых хоть

и было больше, но которых Красовский совершенно не опасался, прекрасно зная характеристики легких польских крейсеров и возможности выпелов своей дивизии.

На плохое настроение влияло даже не то, что Красовскому приходится спасать крейсер «Одинокий» – флагман его чуть ли не главного противника и конкурента в этой жизни этого неугомонного и неприятного до ужаса контр-адмирала Василькова. Нет, невеселые мысли Александра Михайловича были сейчас далеко отсюда, а именно, у Херсонеса-9, где сейчас стоял в полном и обновленном составе Черноморский космический флот...

Вот именно, что в полном составе, не было в этой фразе никакой ошибки. В полном составе, несмотря на понесенные за этот месяц колоссальные потери. Красовский знал, что Иван Федорович Самсонов – командующий флотом самовольно переподчинил себе все до одного резервные дредноуты, пришедшие из «Екатеринославской», после чего Черноморский космофлот без преувеличения стал еще более мощным, чем перед войной с американцами.

Все бы хорошо, вот только адмирал Красовский со своей дивизией к этому дележу новеньких номерных крейсеров и линкоров командующим допущен не был. Самсонов до сих пор не мог простить Александру Михайловичу невыполнения последним прямых приказов командующего во время сражения у Херсонеса-9 и действий у перехода «Таврида-Тарс», и затаил на командира 10-ой «линейной» обиду.

Хотя затаил, неправильно будет сказать, Самсонов прямо и прилюдно высказал Красовскому все, что он о нем думает, отчего у Александра Михайловича до сих пор горели уши и в бессилии сжимались кулаки.

Но только лишь на выговоре командующий Черноморским космофлотом не остановился, Иван Федорович распределил резервные корабли между своими подразделениями, обделив лишь 10-ую «линейную», а после и вовсе отправил Красовского подальше от себя, – патрулировать сектор пространства между планетами Херсонес-3 и Херсонес-5, туда, где по данным нашей разведки оставались недобитые эскадры американских космофлотов.

Контр-адмирал Красовский понимал, что он в опале у Самсонова, и как решить эту проблему пока не имел никакого представления. Ах, если бы в момент ссоры с командующим рядом находился император, тогда бы государь остановил самоуправство этого усача. Но, к сожалению, он во главе гвардейских дредноутов погнался за Элизабет Уоррен, своим внезапным нападением оскорбившей императора, и теперь Александру Михайловичу попросту не у кого было просить защиты от произвола Самсонова.

Поначалу Красовский рассчитывал было отыскать в системе Преображенскую дивизию, которая ушла как раз в этот же сектор пространства, и после этого, объединив усилия с гвардейцами, отличиться перед государем-императором, тем самым занять в его лице своего покровителя. Од-

нако прошло уже более суток, а на радах «Екатерины Великой» было пусто, как в дальних, только что открытых, но еще не освоенных мирах. Никого, ни императора с его отливающими золотом линкорами, ни даже чертовых американцев на экранах сканеров не было видно. Вполне возможно, что «преображенцы» давно уже вернулись к столичной планете, а Красовский со своими кораблями до сих пор продолжает шарить по безжизненным просторам «Тавриды», не понимая смысла своего патрулирования...

Когда, наконец, радары дальнего обнаружения флагмана 10-ой «линейной» у Херсонеса-3 нашарили какую-то жизнь, в виде двух русских и дюжины польских боевых кораблей, Александр Михайлович поначалу взбодрился, думая, что два этих корабля принадлежат «Преображенской», но увидев их названия, снова загрустил.

– «Одинокий» и «Баязет», как они вообще, тем более в таком сочетании здесь оказались? – недоумевал контр-адмирал Красовский, продолжая раскидывать вокруг себя в огромном количестве зонды-глушилки, в тумане которых все ближе и ближе подходил к Херсонесу-3. – Хотя зная Василькова, удивляться нечему. У этого вечно шило в одном месте... А «Баязет» из дивизии Хромцовой каким образом тут находится? И вообще, что это в «Тавриде» делает польская шляхта, представленная крейсерами 4-ой «легкой» хоругви?

Вопросов было больше, чем ответов. Бросать «Баязет» и

«Одинокий», которые судя по показаниям сканеров, находились в полуразрушенном состоянии, было не с руки. Если уйдешь и не попытаешься их отбить, тебе от позора не отмыться, тем более что ты уже на карандаше у Самсонова. Поэтому Александр Михайлович решил, что атакует польскую хоругвь, тем более, что судя по визуальным наблюдениям, противник до сих пор не видел приближения русских кораблей и чувствовал себя на орбите Херсонеса-3 в полной безопасности.

Что там произошло и происходит в данный момент между Васильковым и поляками, Красовский не знал, (кстати, сигнал о помощи, посланный с «Одинокого» до «Екатерины Великой» благодаря глушилкам связи так и не дошел), так что командующий 10-ой «линейной», подкрадываясь сейчас к Херсонесу, просто хотел разгромить вражескую хоругвь, тем самым записать себе в актив еще одну, как было в случае со «Звездой Смерти», победу...

– Гордон, выводи своих ребят, – Александр Михайлович обратился к полковнику Винтеру – командиру палубников с «Екатерины Великой». – Скоро поляки догадаются, что мы совсем близко. После этого у тебя будет примерно тридцать минут на то, чтобы обнулить защитные поля их крейсеров. Сосредоточься на тяжелых дредноутах и флагманском авианосце Вишневого...

– Вас понял, господин адмирал. Управимся за двадцать...
– коротко ответил исполнительный полковник, отдавая при-

каз своим пилотам на выход в открытое пространство. – Неповоротливые «гусары» нам не преграда, тем более, что кажется их ряды уже изрядно кто-то прорядил...

Девяноста МиГов четырьмя цепочками начали вылетать из ангаров русского авианосца и выстраиваться в широкое построение перед его носом. В прошлых сражениях, начиная с обороны Херсонеса-9, Красовский в общей сложности потерял почти половину истребителей своей дивизии, в связи с этим командующий перевел все оставшиеся МиГи на «Екатерину Великую» и отдал их под командование верного и исполнительного англичанина, кстати, неизвестно как выжившего в нескольких тяжелейших космических битвах.

Полковник Винтер действительно как в рубашке родился, постоянно находясь в эпицентре сражений и чуть ли не первым врезаясь в построение противника, каким-то чудом раз за разом постоянно выходил сухим из воды, даже истребитель, на котором он летал, с момента битвы за Херсонес не получил ни одного повреждения. Александр Михайлович по-прежнему доверял Гордону Винтеру, как самому себе, а зная, что полковник в любом случае выполнит задание, ничуть не сомневался и в сегодняшнем бое...

Поляки, наконец, заметили подбирающуюся к ним 10-ую «линейную», отчего в их построении началась настоящая паника. Крейсера адмирала Вишневого, так рьяно окунувшегося в поединок на плазменных саблях, проходившим на его флагманском авианосце, совершенно не позаботился о

перегруппировке собственной хоругви, и в момент появления из «тумана войны» девяти русских кораблей его дивизия оказалась совершенно не готова к отражению атаки. Польские вымпелы, разбросанные по орбите Херсонеса-3, заматались в пространстве, пытаясь успеть соединиться друг с другом до подхода русских, но сделать этого не успели, потому, как канониры Красовского уже открыли по ним ураганный огонь, отсекая часть легких крейсеров Мариуша Вишневецкого от своих основных сил...

Первой жертвой наших артиллеристов стал легкий крейсер «Кашуб» загнанный под перекрестный огонь сразу трех русских боевых кораблей и не успевший нырнуть под защиту геоида планеты. Бортовые поля польского крейсера были обнулены буквально за две минуты, а дальше броню корабля начали лизать непрерывные потоки плазмы из полутора десятков русских палубных орудий. Шанса выжить в таком пекле у польского корабля не было, и еще через пять минут «Кашуб» раскололся на куски от сдетонировавших топливных резервуаров, расположенных в кормовой части его нижней палубы...

Далее пришел черед еще одного вражеского крейсера под громким названием – «Сокул». Эта гордая птичка летала по дальним орбитам Херсонеса-3 также немногим дольше «Кашуба». Русские легкие крейсера: «Сивуч» и «Цесаревич Георгий» вкупе с парой эсминцев вывели сначала из строя все силовые установки «Сокула», а затем, окончатель-

но обездвигив и лишив управления, безжалостно доби́ли его с ближней дистанции...

Наконец, полякам удалось собрать рядом с авианосцем «Король Владислав» восемь вымпелов – большую часть хоругви Вишневого, которые все вместе попытались сдерживать натиск нашей 10-ой «линейной». Вот только к этому моменту на строй польских кораблей словно стая голодных волков набросились истребители полковника Винтера, быстро начавшие хозяйничать и выводить из строя трансляторы их защитных энергополей.

Навстречу асам Винтера, спасая собственные корабли, ринулись тяжелые «гусары», которых набиралось почти такое же количество что и наших МиГов. Обе стороны не хотели отступать и отдавать сектор контроля врагу. На маневренность и скорость русских истребителей поляки ответили жизнестойкостью своих бронированных машин. Силы сторон оказались практически равными, и от этого космическая схватка превратилась в бой на истощение, где каждая минута перемалывала в своих жерновах десятки МиГов и «гусаров»...

Начальное соотношение сил до первого контакта истребителей:

Количественное соотношение сил: МиГ-2 – 90 единиц, SH-4 «Гусар» – 89 единиц.

Первый огневой контакт:

Потери:

Русские: – 2 машины.

Поляки: – 1 машина.

1-я минута боя истребителей:

Потери:

Русские: – 5 машин (– 3 пилота безвозвратные потери)...

Поляки: – 4 машины (– 1 пилот безвозвратные потери)...

2-я минута боя истребителей:

Потери:

Русские: – 7 машин (– 3 пилота безвозвратные потери)...

Поляки: – 7 машин (– 2 пилота безвозвратные потери)...

Сверх-защищенность польских истребителей давало большой процент выживших пилотов, которые успевали катапультироваться из погибающей машины...

3-я минута боя истребителей:

Потери:

Русские: – 8 машин (– 3 пилота безвозвратные потери)...

Поляки: – 10 машин (– 3 пилота безвозвратные потери)...

4-я минута боя истребителей:

Потери:

Русские: – 8 машин (– 4 пилота безвозвратные потери)...

Поляки: – 9 машин (– 3 пилота безвозвратные потери)...

Противостояние эскадрилий достигло своего пика...

5-я минута боя истребителей:

Потери:

Русские: – 10 машин (– 5 пилотов безвозвратные потери)...

Поляки: – 12 машин (– 4 пилота безвозвратные потери)...

Гордон Винтер, скрепя зубами, взирающий как на экране гаснут один за другим его истребители, и как тает на глазах его сводная группа, чуть ли выл от злости. Полковник понимал, что если и в этот раз потеряет все свои машины, то памятуя об общей нехватке истребителей в российских ВКС, может, как «легионер» – иностранный офицер на службе Империи, вообще остаться без эскадрильи до конца вой-

ны. Честолюбие и карьеризм Винтера не могли подобному позволить произойти, и полковник, как бешенный бросался на своем МиГе сразу на звено «гусаров», заставляя польских пилотов рассыпаться в стороны, уходя с линии атаки и боясь, что их сейчас протаранят...

Однако, как бы ни был хорош англичанин в индивидуальном космическом бою, и как ни помогало бы ему в этом его бесстрашие, он не мог сражаться на равных один сразу с несколькими истребителями противника. Тем более для того, чтобы подбить и тем более уничтожить тяжело-бронированный «гусар» нужно было постараться и всадить в него не менее десятка зарядов плазмы, а это как минимум два, а то и три удачных захода, которые даже у такого профессионала, коим являлся Гордон Винтер, не всегда получалось осуществить.

Полковник успел уничтожить два и частично вывести из строя еще один польский истребитель, когда его МиГ, попав под перекрестный огонь, хаотично завращался в космосе. От прямого попадания полетели стабилизаторы и погасли оба сопла, управлять машиной в этом случае не представлялось возможным. Ждать, что через пару секунд тебя расстреляют, как в тире Гордон не стал и, не дожидаясь взрыва, дернул рычаг катапульти.

Кабина МиГа, в одночасье превратившаяся в автономную спасательную капсулу, отделилась от фюзеляжа и выстрелила далеко вперед разрушающегося на глаза Винтера его лич-

ного истребителя, в который уже летели со всех сторон десятки зарядов.

Англичанин обреченно улыбнулся, прекрасно понимая, что катапультирование его не спасает, ведь он по-прежнему находился в окружении вражеских истребителей. Ведь Винтер перед этим бездумно ринулся вперед, показывая пример храбрости, тем самым отрываясь от собственного «роя», и теперь рядом не было никого из его подчиненных, кто бы мог прикрыть и эвакуировать его спасательную капсулу, беспомощно плавающую среди грозных «гусаров».

Остальные МиГи из сводной эскадрильи «Екатерины Великой» бились изо всех сил с поляками буквально в нескольких десятках километров, и ни один из наших пилотов, каждый работающий по своей цели не мог в данную секунду прийти ему на помощь. Ведомый, всегда сопровождающий Винтера в бою, был давно сбит, остальные оказались слишком далеко и слишком заняты. Полковник пренебрежительно посмотрел через стекло на ухмыляющуюся физиономию польского пилота, истребитель которого подлетел вплотную к капсуле, и который, понимая, что Винтер беззащитен явно издевался над ним, оттягивая момент выстрела...

Гордон и сам бывший не прочь позлорадствовать над поверженным врагом сейчас как никогда испытывал неприятнейшее чувство бессилия, но как истинный англичанин вида не подавал и сделав скучающее лицо, откинулся на спинку кресла, демонстративно начав рассматривать ногти на своей

руке...

– Давай, заканчивай уже поскорей, – прошипел он, даже не смотря в глаза пилоту противника, который по-прежнему пытался разглядеть на лице Винтера страх.

Поляк, расстроенный увиденным и так и не дождавшись нужной ему реакции, кивнул, будто услышал слова англичанина, и уже было потянулся к гашетке, как тут его «гусар» бешено затрясло от очереди коротких ярких ударов. В мгновение ока его истребитель, не выдержав полутора десятков зарядов плазмы, выпущенных из скорострельной пушки каким-то чудом оказавшегося рядом МиГа, взорвался и разлетелся на ошметки.

Пораженный своим внезапным спасением Гордон Винтер уставился на экран, на котором перед ним возникло необычайно красивое лицо молодой чернокожей девушки.

– Оставьте маникюр на время, полковник, – рассмеялась Наэма, – сейчас не до него...

В это время МиГ майора Белло уже подцеплял манипулятором спасательную капсулу, в которой находился Винтер, а ее «соколы» с диким воем, заполнившим эфир, врываются в космическую схватку...

Глава 2

Место действия: звездная система HD 22048, созвездие «Эридан».

Национальное название: «Таврида» – сектор контроля Российской Империи.

Нынешний статус: не определен – спорный сектор пространства.

Претенденты: Российская Империя, Американская Сенатская Республика.

Расстояние до звездной системы «Новая Москва»: 198 световых лет.

Точка пространства: орбита планеты Херсонес-3.

Дата: 28 февраля 2215 года.

Как ни старался позже Александр Михайлович Красовский полностью приписать победу над поляками у Херсонеса-3 себе, однако и он в, назовем их, частных беседах вынужден был признать, что переломным моментом в сражении явилось появление в секторе дюжины истребителей с «Одинокого». Именно Наэма со своими «соколами», ворвавшись в схватку истребителей в самый ответственный момент, изменила ее ход. Польские пилоты не ожидали удара эскадрильи МиГов с «тыла» с направления стоящего в стороне полуразрушенного русского крейсера, которая своим навалом

буквально расколола «рой» противника на две части.

Зажатые между молотом и наковальней в виде эскадрилий с «Екатерины Великой» и «Одинокого», потерявшие контроль и систему управления польские пилоты растерялись и запаниковали. Их тяжелые и неповоротливые «гусары» такие несокрушимые и неубиваемые в плотных порядках фронтальной атаки теперь погибали целыми звеньями, беспомощно пытаясь маневрировать и уклоняться от юрких и злых, как дикие осы, МиГов. Буквально за каких-то десять минут с непобедимой армадой истребителей авианосца «Король Владислав» было покончено. Причем наши потери во второй фазе боя, после навала «Соколов Белло», оказались чуть ли не на порядок ниже потерь противника.

После этого объединенная эскадрилья русских истребителей набросилась на строй дредноутов польской дивизии, и уворачиваясь от зениток постепенно вывела из рабочего состояния практически все трансляторы их энергетических полей. Оставшись без силовой защиты тяжелые крейсера адмирала Вишневого – его главная артиллерийская мощь и основа, оказались практически голыми в сравнении с наступавшими на них вымпелами нашей 10-ой «линейной» дивизии.

Заряды русских канониров сносили одну за другой башни палубных орудий вражеских кораблей, в строю поляков началась суэта, где одни крейсера, получив изрядную порцию плазмы, пытались покинуть первую «линию» и укрыться за

корпусами еще державших строй кораблей. Вот только две эскадрильи МиГов по-прежнему находились рядом и поочередно набрасывались на свою очередную жертву, раздевая ее донага, так что вариантов у поляков продержаться, не было никаких. Основная «линия» 4-ой польской хоругви начала пятиться под напором кораблей Красовского, авианосец которого летел впереди, помогая орудиями среднего калибра рядом идущим «Пантелеймону» и «Транзунду»...

Однако в это время на нашу «фалангу» с «тыла» набросилось несколько легких крейсеров противника, изначально после появления русских не успевших соединиться со своей основной группой, но сейчас оправившись вступивших в бой в самый неподходящий для Красовского момент. Наш эсминец «Завидный» и легкий крейсер «Адмирал Лазарев» встали на их пути, пытаясь сдержать эту опасную атаку и оба, к сожалению, погибли...

Сражение у Херсонеса-3 достигло своего апогея, русские корабли продолжали изо всех сил напирать, и это им до сих пор удавалось, но поляков в секторе по-прежнему было больше. Что ж, тогда пора и мне было вступать в дело. Конечно же, не с помощью ввода в бой «Одинокого» и тем более «Баязета», сильно пострадавших и в данный момент без орудий и силовых полей, не представлявших для противника какой-либо существенной опасности. Нет, тут надо лично самому вмешиваться, так сказать, собственными ручками и ножками...

– Во-первых, прикажи хайдутам убрать руки от моих людей, у тебя на это пять секунд, пан-адмирал, иначе твоя златокудрая голова очень быстро будет отделена от остального не менее прекрасного, но уже бесполезного тела! – пригрозил я Вишневному-младшему.

Мой холодный взгляд дал понять поляку, что не позже, чем через упомянутый мною срок, я обещанное выполню. Мариуш окончательно осознав, что в поединке проиграл, и по этой причине сгорая от стыда, но видя к счастью, что никто в творящемся хаосе его позора не замечает, решил не играть в героя и приложив идентификационный браслет ко рту, рявкнул, обращаясь к своим штурмовикам:

– Назад, всем назад! Не смей их трогать! Это секунданты – они неприкосновенны! – польский командующий решил сыграть в человека чести и настоящего шляхтича, завуалировав свой страх и нежелание умирать четким исполнением правил поединка. – Вы что, хотите покрыть себя позором?! Хотите, чтобы о поляках говорили, что они убивают своих гостей, набрасываясь вдесятером на одного?! Назад, сучьи дети! Я вам приказываю!

Молодой человек перенял у своего отца не только честолюбие и жажду славы, но еще и умение управлять толпой. Это было видно, ибо сразу после слов Мариуша его штурмовики-хайдуты только что samozабвенно сражавшиеся с Дороховым и Алексой, остановились как один и опустили оружие. Еще бы секунда другая и от моих товарищей, из метал-

ла они бы состояли или из плоти, неважно, но ничего бы не осталось...

Кузьма Кузьмич и девушка-андроид вскочили на ноги и приготовились к продолжению схватки, перезаряжая оружие и одновременно с этим бросая на меня вопросительные взгляды, даже Алекса сделала вид, что не понимает происходящего. Я же левой ладонью показал им, чтобы вели себя спокойно и не продолжали провоцировать собравшихся в аудиенц-зале поляков...

– Отлично, а теперь перейдем к главному, пан-адмирал, – я обращался к Мариушу Вишневному в полголоса, чтобы нас не слышали окружающие. – Давайте подумаем, как нам всем выбраться из этой непростой ситуации...

– Я все равно убью тебя, московит! – горячего польского адмирала до сих пор трясло от адреналина и ненависти ко мне.

– Вполне могу предположить, что несколько позже у вас появится такая возможность, – пожал я плечами. – Ведь война только началась и у нас еще будет время выяснить отношения. Однако в данный момент, думаю, пора расходиться...

– Ты нанес мне смертельную обиду, Васильков! Ты оскорбил меня! – продолжал хрипеть Мариуш, косясь на мою плазменную саблю возле своего горла.

– Мои оскорбления в сравнении с тем, что творится сейчас на орбите, где вашу хоруговь уничтожают корабли контр-

адмирала Красовского, превращаются в ничто, – ответил на это я, ведя себя спокойно, будто ничего особенного в аудитории-зале не происходит. – Промедлите и от ваших кораблей ничего не останется.

– Это мы еще поглядим, – хмыкнул Вишневецкий.

Как раз в этот момент голос дежурного офицера с мостика «Короля Владислава», эхом разносившийся в огромном отсеке, начал перечислять погибшие и получившие критические повреждения в сражении с противником, корабли польской дивизии. Мариуш pokrивился, а глаза его предательски забегали, указывая на то, что адмирал-подпоручик теряет контроль над ситуацией и возможно, действительно, может проиграть эту битву...

– Что ты предлагаешь? – коротко спросил он.

– Разойдемся по добру, по хорошему, – улыбнулся я. – Будто ничего и не было. Ты отправишься к своим, мы полетим в другую сторону...

– У Красовского всего девять вымпелов, – продолжал упираться Мариуш.

– Не волнуйтесь, пан-адмирал, уверяю, совсем скоро в количестве кораблей вы сравняетесь, – парировал я. – У Александра Михайловича на «Екатерине Великой» одна из лучших и многочисленных эскадрилий. Я в точности не знаю, что там снаружи происходит, но могу предположить, что от ваших хваленых «гусаров» к этому моменту уже ничего не осталось... А значит, и поля ваших основных кораблей вско-

ре будут обнулены. Вы действительно думаете, что сможете победить в космическом бою без энергозащиты?! Тогда мне вас жаль...

– Как ты сможешь убедить Красовского прекратить огонь? – недоверчиво посмотрел на меня, поляк, и здесь я понял, что окончательно его продавил.

– Не волнуйтесь, смогу, – ответил я, убирая и деактивируя свою саблю. – Дайте мне обещание, что ваши корабли перестанут стрелять и покинут сектор, и я гарантирую, что ни одно палубное орудие 10-ой дивизии вам в догонку не выстрелит.

– Хорошо, московит, я поверю тебе, тем более, что несмотря на твое хамское поведение, до сих пор ты держал слово, – выдал из себя адмирал Вишневский, одновременно с этим рывкнувший в переговорное устройство офицерам на мостике авианосца, чтобы те, наконец, отключили громкую связь и не сеяли панику среди присутствующих. – Но руки я тебе не пожму, даже не думай...

– Достаточно будет вашего слова шляхтича, – улыбнулся я, ничуть не обидевшись.

– Даю слово, – громко сказал Мариуш Вишневский, чтобы его слышали все окружающие. – 4-ая хоругвь прекращает враждебные действия в отношении русских кораблей...

– Тогда давайте, не теряя времени, пройдем в командный отсек вашего авианосца, где я смогу связаться с адмиралом Красовским, – предложил я, торопясь прежде всего потому,

что чувствовал как меня начинает трясти, видимо от той самой передозировки стимуляторами и понимая, что я долго в нормальном состоянии на ногах не продержусь.

Через пять минут мы уже были на мостике, Дорохов и Алекса остались в коридоре в окружении сопровождавших нас хайдутов, а мы с Вишневым приблизились к большому экрану, горевшему над иллюминаторной панорамой.

– Не думал, что спрошу об этом, – Мариуш непонимающе уставился на меня. – Но с тобой все в порядке, Васильков?

А меня в это время просто трясло, как в лихорадке, я со слов поляка, посерел, как покойник, глаза налились кровью от лопнувших капилляров и стали не голубого, а красного цвета, лицо покрылось испариной, а дыхание стало тяжелым и частым.

– В полном порядке, – попытался улыбнуться я. – Но вашим операторам связи все-таки лучше поторопиться...

– Почему до сих пор не соединили с русским авианосцем?! – прикрикнул на своих офицеров, Мариуш Вишневский, которому в режиме реального времени поступала информация о плачевном состоянии строя его хоругви.

– С «Екатерины Великой» не отвечают на запрос, пан-адмирал, – прозвучал ответ оператора.

– Укажите в запросе, что их вызывает контр-адмирал Васильков, – присоединился я к разговору, понимая, что Красовский в своем высокомерии даже не желает общаться с этими жалкими поляками.

Польский командующий кивнул, давая добро.

– С флагмана 10-ой дивизии ответили! – сразу после этого радостно сообщил оператор. – Мостик «Екатерины Великой» на связи...

– А ты-то, каким образом здесь оказался? – Александр Михайлович посмотрел на меня осуждающим взглядом, будто сейчас перед ним находился перебежчик.

Я был прав, Красовского заинтриговало мое нахождение на «Короле Владиславе», иначе бы он на запрос поляков так и не ответил.

– Прекращай огонь, – я хотел было сказать еще очень много, но смог выдавить из себя только эту фразу и то заплетающимся языком и стучащими зубами.

– Ты в своем уме, Васильков?! – нахмурился Красовский. – Или ты уже перешел на службу польскому Сейму, да мы пока не знаем об этом?

– Пан-адмирал, ваше слово, – я повернулся к Мариушу, потому, как уже физически не мог, не то, что говорить, даже стоять на ногах.

– Мы готовы разойтись миром, контр-адмирал, – непонимающе косясь на меня, схватившегося за приборную панель и трясущегося, произнес Вишневецкий-младший, обращаясь с экрана к Красовскому. – Если вы не возражаете, конечно...

– Конечно, возражаю, – прыснул со смеха, Александр Михайлович, неожиданно для себя увидев слабость польского командующего и от этого еще больше уверовав в свою ско-

рую победу. – На большинстве ваших вымпелов уже не осталось ни одного транслятора энергополей. Через несколько минут то же самое произойдет и с «Королем Владиславом». Вы действительно рассчитываете на то, что я соглашусь на прекращение огня?!

– Ты сейчас же деактивируешь все свои орудия! – точно не помню, заорал ли я в тот момент на Красовского или захрипел, мне казалось, что все-таки орал. – Ты меня понял?! Нет?! Что ж, тогда я... Тогда все узнают о твоём подлом проступке, о том, который ты так стараешься забыть. Слышишь, Красовский?! Ты слышишь меня?! Прекрати огонь, иначе...

Я понимал, что сознание меня покидает и старался выжать из себя последние эмоции, причем такие, чтобы взирающий на меня с экрана командующий 10-ой «линейной» понял, что с ним не шутят. С моей стороны это выглядело, конечно, совсем некрасиво, угрожать человеку раскрытием каких-то там тайн из прошлого, но с другой стороны как я еще мог заставить Красовского сделать то, что хочу, а именно – остановить бой.

Я не был уверен, смогут ли одержать победу корабли 10-ой дивизии, ведь их в сравнении с поляками действительно было не так много, а если и смогут, то какой ценой достанется победа. Зная со слов Таисии, как пострадала дивизия Красовского в сражении за Херсонес-9, в составе которой сейчас к тому же не было ни одного линкора, я не мог позволить так рисковать нашими кораблями и экипажами. К

тому же мой собственный крейсер и не менее беззащитный стоящий рядом «Баязет» так же со сто процентной долей вероятности попадали под раздачу. Так что договариваться с Вишневым надо было в любом случае...

Это я в разговоре с польским адмиралом казался таким уверенным, чтобы склонить его к этим самым переговорам, в то же время, абсолютно не понимал, как уломать Красовского, пойти на соглашение. С Александром Михайловичем мы знакомы были еще со времен моего обучения в Нахимовском Училище на «Новой Москве» и отношения между нами были мягко сказать натянутыми, а на самом деле открыто враждебными...

Но сейчас не об этом, а о том, что не было у меня шансов уговорить Красовского прекратить сражение. Кроме, как вы уже поняли, прямой угрозы поведать всем о некоей его тайне, омерзительном во всех отношениях поступке, которому я был свидетелем, и разглашение которого непременно привело бы к тяжелым для Александра Михайловича последствиям. Прежде всего, для его карьеры...

Дальше, как было сказано, я уже ничего не помнил, свалившись, как подкошенный на пол отсека с пеной у рта и в страшных судорогах. Очнулся я уже на своем собственном корабле, это было сразу видно по до боли родным стенам и потолку медблока, лежащим в регенерирующей капсуле. Рядом надо мной склонились старый—добрый начмед и Алекса, куда же без нее...

Хотел что-то сказать, но не получилось, мешала трубка во рту. Старпом поняла по моим движениям, что я хочу, и первая начала говорить, посвящая меня в суть произошедшего:

– В медикаментозной коме вы находились пять с половиной часов, – начала перечислять Алекса, пытаюсь угадать и ответить сразу на все мои вопросы. – И судя по реакции медиков, – девушка на секунду перевела взгляд на начмеда, – господин контр-адмирал, вы родились в рубашке...

Я попытался отмахнуться, и Алекса перешла к той теме, которая меня по-настоящему интересовала:

– С «Одиноким» все в порядке, – улыбнулась она. – Корабль в безопасности и в данный момент находится на ремонте...

Я промычал что-то несвязное, мол, на каком таком ремонте...

– Крейсера: «Баязет», «Одинокий», а также эскадренный миноносец «Завидный» из состава 10-ой дивизии в данный момент находятся в эллингах верфи, на которую мы изначально и направлялись, – угадала с ответом Алекса, продолжая повествование, что же произошло за время моей отключки. – На поверхности Херсонеса-3, как вы и предполагали, нами были обнаружены несколько гражданских верфей, переделанные американцами под свои нужды. На одной из таких верфей мы в данный момент и находимся...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.